

Шапошников Н.Н.

Научная теория не может ничего предписывать политике. Здесь надо учитывать особые условия места и времени, которых не может и не должна в своем научном величии принимать во внимание абстрактная теория. Она всегда оторвана от жизни, но это не значит, что ее положения нежизненны. Она проясняет нам взоры и рассеивает те экономические предрассудки и суеверия, которые так часто загуманивают дорогу политику. Поэтому выяснение теоретических основ экономического либерализма приобретает большое практическое значение**.

К тому же эта тема весьма современна. Не только частному обороту решено предоставить свободу, но и государство готово пропитаться коммерческим духом. Оно стремится к чистой прибыли и, как частный предприниматель, собирается избегать не окупирующих себя расходов.

Мы русские всегда отличались политическим радикализмом. Как политические романтики мы должны быть чем-нибудь очарованы. А в революционное время нет ничего опаснее, как потерять чувство меры. Чтобы избежать этого, надо хорошо уяснить себе два вопроса: 1) в чем смысл и оправдание экономической свободы, и 2) каковы ее разумные пределы. В этой статье я остановлюсь на первом вопросе. Я буду говорить только о положительных сторонах экономического либерализма, умалчивая о тех ограничениях, которые на него налагает и жизнь, и наука, и притом я ограничусь одним частным вопросом, вопросом о коммерческом расчете, как регуляторе государственного хозяйства.

Я говорил уже, что "новая экономическая политика" уподобляет государство частному коммерсанту. Но что дает ему право накидывать на себя такую личину? Интересы государственной казны — так большинство ответит. Это верно только отчасти. Железные дороги должны отказаться от бесплатности перевозок не потому, что средств на содержание транспорта не хватает, а чтобы не давать повода для нерациональных перевозок, дабы уменьшить непроизводительную с народнохозяйственной точки зрения работу транспорта. Государство отказывается строить электрическую станцию, коммерчески себя не окупиющую, не потому что боится связанных с этим расходов, а потому, что из ее убыточности делает заключение о том, что постройка эта не так необходима, как кажется. Оно исходит из предположения, что то, что полезно и необходимо для общества, то может дать и казне прибыль. Государство об общем благе заключает по своей частной выгоде. Частнохозяйственная рентабельность, "коммерческий расчет" делается критерием народнохозяйственной целесообразности.

Всякое хозяйственное действие предполагает определение цели и тех средств, которые необходимы для достижения этой цели. И с этих двух сторон мы должны его расценивать. То или иное действие только тогда и целесообразно, когда и цель верно намечена, и средства выбраны наилучшие.

Но может ли коммерческий расчет в том и другом случае оказывать государству услугу? Позвольте начать с некоторых не лишенных, быть может, интереса примеров.

Когда четыре года тому назад шла речь о передаче помещичьей земли крестьянам, я был того мнения***, что землю из государственного фонда следовало бы предоставить за плату. Коммерческое начало в распределении земли создает некоторую гарантию того, что она попадает в руки тех, кто может вырастить на ней много хлеба.

Если Госбанк, действительно, пропитается коммерческим духом и установит высокую плату за свои услуги, то его кредитом будут пользоваться только те, кто имеет

* От ред. Статья впервые опубликована в журнале "Экономическое возрождение", 1922, № 2.

** Die theoretische Arbeit bringt mehr in der Welt zustande, als die praktische", — сказал в свое время Гегель.

*** См. [1].

действительно производительное назначение для занимаемого капитала. Таким образом, коммерческое начало в управлении капиталом помогло бы Госбанку отсеять нездоровые элементы кредитного рынка.

По-видимому то же начало придется применить и к государственному жилищному фонду. Чтобы приютить остающихся без крова, испытаны все способы прямого государственного воздействия, вплоть до поголовного ареста сотрудников жилищно-земельных отделов. Но ничто не помогает, свободных жилых помещений не находится; и многие должны ночевать на вокзалах или досаждают своим родным и знакомым.

Но если бы государство уподобилось частному домовладельцу и решилось соответственно жилищной нужде увеличивать плату за квартиры, то наверное удалось бы помочь горю. Под влиянием вздорожания квартирной платы население добровольно начало бы уплотняться и освобождать помещение, занимаемое сверх посильной для него нормы.

Во всех этих примерах я призывал руководиться следующим правилом: кто мало дает, тот ничего не получает, но склонный платить высокую цену, удовлетворяет свою потребность в первую очередь. От этого и в других случаях, думаю я, можно ожидать благих результатов.

Государство может внимать указаниям рынка и руководиться той ценой, которая на нем образуется, но лишь постольку, поскольку в рыночной цене оно усматривает отражение общественной потребности. И это обычно бывает: цена зависит от спроса, а спрос это — в сущности суммирование потребности и желания отдельных членов общества.

Конечно, нельзя скрывать того, что рынок учитывает не только потребности, но и покупательные средства тех, кто ощущает эти потребности. Богатому он открывает более широкие возможности, его потребности идут в первую очередь. И государство, сообразуясь в своих действиях с указаниями рынка, вынуждено с особым вниманием относиться к запросам какого-нибудь разжиревшего спекулянта. Это коробит, но с этим приходится мириться. Там, где есть богатые и бедные, одни всегда полнее удовлетворяют свои потребности, нежели другие.

Нас не должно смущать, что, эксплуатируя дома на коммерческих началах, государство позволит кое-кому устроить роскошную квартиру. Слава Богу, мы все теперь поняли, что жилищные условия московской бедноты были так плохи не потому, что Рябушинские и Коноваловы занимали роскошные особняки, а потому, что хороших домов для всех не хватало. И заселяя углы и подвалы, мы только по одежке протягивали ножки.

Различие денежных средств покупателей, конечно, затемняет, но не уничтожает связи между ценой и полезностью. Цена, хоть и не всегда отчетливо и точно, продолжает отражать общественную потребность или полезность. И следуя в своих действиях указаниям цены, государство приспособливается в сущности к запросам и потребностям общества.

Но может ли государство при выборе средств для достижения своей хозяйственной цели руководиться теми же соображениями, что и частный предприниматель, должно ли оно строить организацию производства на тех же основаниях?

Все, конечно, согласится с тем, что государство совершенно так же, как и частный предприниматель, заинтересовано в наилучшем использовании имеющихся в его распоряжении ресурсов, т.е. в получении максимума дохода по расчету на единицу затрат. Это условие, как было впервые доказано Тюненем, достигается только тогда, когда предельный продукт каждого элемента производства в точности соответствует его цене.

Добиваться этого обязательно в равной мере и для государства, и для частного предпринимателя. Если они рационально ставят дело, они должны учитывать полезную работу каждого отдельного фактора производства, они должны организовать производство так, чтобы нельзя было уже с выгодой для дела ни сократить, ни прибавить ни одного лишнего рабочего, ни одной добавочной единицы капитала. На основе точ-

ной ли калькуляции или по чувству деловой интуиции, но они должны в этом убедиться. И здесь нет различия между частным и государственным предприятием.

Государство, как и частный предприниматель, не может терпеть не окупающей себя работы. Не умеющий или не желающий как следует работать рабочий должен оставить фабрику. Конечно пролетарскому государству не подобает бросать его на произвол судьбы, оно должно взять его на социальное обеспечение или подыскать иную посильную для него работу; но оно не должно терпеть, чтобы он, работая в убыток, нарушал целесообразность организации производства.

Что касается затраты материальных средств производства или капитала, то здесь вопрос несколько сложнее. Частный предприниматель не делает тех затрат, которые не дадут нормальной для него прибыли. Но должно ли государственное предприятие калькулировать по тому же принципу; не следует ли ему производить и те затраты, которые не дают нормального процента?

Очень многие так думают. Если капиталист не делает необещающих прибыли затрат, то потому, что только ради прибыли он и ведет дело. Там, где целью хозяйства является не выжимание так называемой прибавочной ценности, а непосредственное удовлетворение потребностей, там нет нужды руководиться таким расчетом (ср. [2, с. 83 и далее]).

Это у нас отзвук марксизма, точнее "отрыжка" от плохо пережеванной теории прибавочной ценности. Прибыль — рассуждают теоретики этого типа — это результат эксплуатации рабочего, и к чему государству принимать в этом участие. Понятно, что капиталист интересуется этим грязным делом, но государству неуместно мараить об это руки. Такова или приблизительно такова точка зрения всех тех, кто готов запретить государству начисление процентов на свои капиталы.

Я думаю, что теория прибыли Маркса, правильно понятая, отнюдь не допускает такого заключения. Но заниматься толкованием К. Маркса у меня нет охоты, да есть и другие более компетентные в этом лица.

Рациональное использование средств производства не допускает, как правило, не дающих прибыли затрат. Сельский хозяин не должен расчищать под пашню леса там, где это только окупает затраты. Лучше не только для него лично, но и для всех, если он затратит эти средства на улучшение обработки или на приобретение добавочного инвентаря.

Нерационально поступал бы председатель правления, если бы производил затраты на основании нижеследующего расчета: если применить более солидную конструкцию, то это удлинит с десяти до пятнадцати лет полезную работу станков. За эти пять лишних лет работы станок дает пять добавочных единиц ценности, а потому на это улучшение возможно израсходовать всю эту сумму, т.е. пять единиц ценности.

Здесь упускается из виду, что до реализации плодов этой затраты пройдет не мало времени, а время тоже имеет цену. Поэтому сверх оправдания первоначальных расходов необходима добавочная компенсация, в противном случае есть расчет затратить эти средства на что-нибудь раньше себя окупающее, например, на лучшую сортировку материала или на что-либо иное.

Тратить средства на сооружение подъездной к фабрике дороги есть расчет только тогда, когда от этого можно выручить больше, чем от такой же затраты на расширение конного обоза; т.е. если первая затрата будет давать некоторый излишек по сравнению со второй. Но ведь то же рассуждение приложимо и к этой последней затрате. Что за расчет тратить средства на покупку тяжеловозов и добавочных подков, если эту сумму можно с той же выгодой истратить на лучшую организацию ручной погрузки товара в вагоны или просто затратить на текущее потребление.

Таким образом, руководитель государственного предприятия, как и частный предприниматель, должен в своих расчетах исходить из получения некоторого излишка сверх возмещения первоначальных расходов.

Но как велик должен быть этот излишек? Для частного предпринимателя это вполне определенная величина. В свободном хозяйственном обороте устанавливается определенная цена за пользование капиталом или процент; и к этой объективно данной

рынком норме пристраивает свои расчеты отдельный предприниматель. Благодаря этому, получается тот поражающий наблюдателя порядок и определенность хозяйственных распоряжений частного предпринимателя.

Лесопромышленник, например, отчетливо знает, какую часть леса предназначить к рубке, а какую оставить на корню. Это зависит от быстроты роста древесины: до тех пор, пока рост древесины превышает рост капитала, нет расчета рубить лес*.

Но допустимо ли государству исходить из того же критерия? Я думаю, что да. Оно может установить презумпцию, что те затраты, которые не дают нормальной прибыли, нецелесообразны с общественной точки зрения.

Конечно, подобная презумпция недопустима там, где идет, например, речь о помощи голодающему населению или о развитии русского национального искусства. Я не стану требовать закрытия Большого театра, потому что он дает казне убыток. Здесь соображения чисто меркантильного порядка отступают на второй план.

Но в обширной сфере чисто меркантильных интересов государство не должно забывать об этом трезвом, коммерческом расчете. Однако за последние годы, я имею в виду не только годы революции, но и всю непосредственно предшествующую и подготовившую ее эпоху, мы слишком часто об этом забывали.

Мы с легким сердцем готовы были разрешить убыточные для дороги тарифы. Мы утешали себя тем, что убыток дороги, например, на перевозке донецкого угля мы с лихвой покрываем за счет развития промышленности центрального района. Возможно, что так и было. Но не исключена возможность, что, понижая чрезмерно тарифы на перевозку угля, мы тормозим этим здоровый и необходимый процесс приближения промышленных районов к местам добычи топлива и сырья. Если народнохозяйственный интерес действительно требовал бы усиления питания петроградской промышленности за счет донецкого угля, то это было бы возможно и при окупающих себя тарифах. Но если для этого необходима особая субсидия со стороны государства, то позволительно сомневаться в целесообразности подобных перевозок.

Я думаю, что с большей степенью вероятности мы можем ожидать, что то, что действительно необходимо и по силам для страны, то в состоянии покрыть все необходимые расходы. Из этой презумпции вытекает отстаиваемая теорией экономического либерализма директива избегать не окупающих себя расходов и даже стремиться к получению нормальной прибыли.

Эта заключительная часть моей сентенции нуждается в особом пояснении, и для этого я должен начать издалека.

Государство, поскольку материальное благополучие народа является его целью, должно разрешить две трудные проблемы: 1) из ряда имеющихся в обществе потребностей какие и в каком размере подлежат удовлетворению и 2) каков должен быть баланс между настоящим и будущим потреблением. Есть два пути их решения. Один путь — это известный нам путь компромисса или Госплана. Государство самостоятельно решает, кому и что дать, кому и в чем отказать.

Но можно все это представить на усмотрение рынка. Государство не устанавливает никаких норм, не вырабатывает никакого плана, а только следует указаниям рыночной цены, внимает тому, что требует рынок. Потребители сами в зависимости от характера своих индивидуальных потребностей и своих доходов устанавливают предположительные размеры потребления и предъявляют соответственно этому запросы к рынку. Все это суммируется в рыночном спросе и таким образом устанавливается определенное производственное задание.

Все это в достаточной мере известно и не нуждается в особом пояснении; я намерен только указать на то, что подобный же процесс может иметь место и в отношении установления необходимого баланса между потребностями настоящего и будущего. Здесь рынок также вырабатывает цену, которую современное нам поколение соглас-

*Как подтвердил мне покойный М.М. Щепкин, так надо определять и время убоя свиньи. Надо тогда колоть откармливаемое животное, когда прирост мяса становится равным наращению капитала.

но платить за удовлетворение будущих потребностей. И этой ценой является нормальный процент.

Если нелегко установить разумное соотношение между удовлетворением различных потребностей текущего дня, то еще труднее добиться правильного баланса между удовлетворением потребностей настоящего и будущего.

Здесь возможны ошибки и в ту и в другую сторону. Как в частной жизни бывают расточители, быстро спускающие отцовское достояние и, во всем себя урезывающие, скопидомы, так и в жизни целых народов бывают такие эпохи, когда все общество в целом становится расточителем, или наоборот впадает в другую крайность: все интересы народа как коллективного целого устремлены в будущее и сурово попираются запросы настоящего.

Такой эпохой было по-видимому время Петра Великого. "Трудовое поколение, которому достался Петр, — говорит В.О. Ключевский [3, с. 285], — работало не на себя, а на государство, и после усиленной и улучшенной работы ушло едва ли не беднее своих отцов. Петр не оставил после себя ни копейки государственного долга, не израсходовал ни одного рабочего дня у потомства. Он был не должником, а кредитором будущего". Наше поколение в ином положении, мы расточили отцовское достояние и задолжали нашим детям*.

Теперь, когда настает просветление, пора положить этому конец. Теперь настало время приняться за восстановление разрушенного народного капитала и, конечно, от государства надо здесь требовать помощи. Но очень важно, чтобы оно не потеряло здесь правильной перспективы. Ведь так легко в мечтах о грядущей электрификации сельского хозяйства забыть о мужицкой косе или телеге, или начать сооружение Великого северного пути за счет ремонта мостов на проселочных дорогах.

Чтобы сохранить здесь чувство меры, полезно иметь какой-нибудь объективный критерий. И таким критерием служит нормальный процент на капитал. Государство не должно рабски ему следовать, но в своих расчетах оно могло бы от него отправляться.

В условиях свободного кредитного оборота цена, взимаемая за пользование капиталом, или процент объективно отражает то значение, какое современное нам поколение приписывает будущему потреблению. В основе этого лежит одно довольно спорное положение: мы всегда за счет капитала можем расширить текущее потребление.

В моих прежних работах я придерживался иного мнения. Признавая, что образование нового капитала идет за счет текущего потребления, я сомневался, однако, в возможности большого расширения текущего потребления за счет существующего капитала. Теперь эти мои сомнения рассеялись, и главным образом благодаря предметным урокам, которые нам всем давала экономическая действительность.

Конечно, нельзя непосредственно обратить в галифе или шелковые юбки токарные станки или паровые машины. Но для этого есть иной способ. Можно продать машины и вырученную от продажи сумму обратить на личное потребление.

Но будет ли такая растрата капитала отдельным капиталистом знаменовать и уменьшение всего общественного капитала. Ведь проданные им машины, хлопок и уголь будут куплены кем-нибудь другим и, перестав играть роль капитала в руках продавца, они снова очутятся в той же роли в руках покупателя.

Это возможно, но не меняет дела. Растрата капитала кем-либо одним, все равно в натуральной ли его форме или только израсходование вырученных от его продажи денег, в действительности уменьшает капитал общества, а не только приводит к иному его размещению.

Когда капиталист меняет назначение, которое он дает своим средствам и вместо производства тратит их на личное потребление, он изменяет характер общественного

---

*Это характерно не для одной России. "The sudden and almost complete annihilation of the world's saving capacity" — так характеризует последние годы Кассель в [4, с. 108].

спроса. Сокращается спрос на средства производства и увеличивается спрос на предметы потребления. И общественное производство следует за этим изменением спроса.

Труд и другие производительные силы общества получают иное назначение. Вместо того, чтобы рыть каналы и шлюзовать реки, мы начинаем выращивать ананасы и разбивать виноградники. Вместо постройки фабричных корпусов мы направляем строительные материалы и рабочих на сооружение роскошных особняков. А машино-заводчики взамен сельскохозяйственных машин начинают специализироваться на производстве автомобилей. За счет средств производства расширяется производство предметов роскоши. Но эта роскошь сегодняшнего дня покупается дорогой ценой: она идет за счет полноты будущего потребления.

Чтобы не оставалось сомнения в возможности этого, мы должны вдуматься в одну особенность современного способа производства. К удовлетворению своих потребностей мы идем обычно не прямым путем. Воду мы черпаем не рукой из протекающего ручья, а ставим насосы, фильтры, прокладываем трубы и нередко за десятки верст передаем воду в наши жилища. Мы одеваемся не в шкуры, ободранные с убитого зверя, а покрываем наше тело различными одеяниями, для изготовления которых мы орошаем поля Туркестана, разводим хлопок, ведем туда железную дорогу и предпринимаем целый ряд других подготовительных действий.

Понятно, что такие окольные пути производства (Produktionsumwege по Бем-Баверку) добытнее прямых, но они требуют большой предварительной затраты труда. В обществе первобытных дикарей весь труд непосредственно обслуживал текущее потребление, но в современном нам обществе только часть труда служит этой цели, остальная же и очень значительная часть труда идет на производство средств производства, идет на изготовление машин и орудий, на добывание сырых и вспомогательных материалов, служит целям не настоящего, а будущего потребления.

И вот всю эту массу труда можно двинуть на нужды текущего потребления*. Конечно, такое изменение производства должно преодолеть ряд трений, но в самой возможности его нет оснований сомневаться, а тем более в наше время. Мы только что пережили беспрецедентную в истории человечества эпоху расточения капитала. Последние годы все европейские страны занимались этим, и это проходило совсем легко и незаметно.

Мы расточали наши капиталы на нужды войны, а ее потребности таковы, что к ним легко могла приспособиться та часть общественного производства, которая в мирное время обслуживала интересы будущего потребления. Война потребовала от нас самых разнообразных орудий разрушения и этому спросу не трудно было удовлетворить: вместо сельскохозяйственных машин легко строить пулеметы или взамен грузовых кораблей подводные лодки.

Но если бы расточение капитала было вызвано иной причиной, например, (обуявшей всех манией мотовства, то мы встретились бы с большими трудностями. Увеличить производство вин, тонких кружев и драгоценных материй не так легко, как расширить за счет производства гвоздей изготовление колючей проволоки. Но и в этом случае можно сказать, что, имея запасы угля, проволоки и железа, мы можем за счет этих запасов изготовить больше предметов самого утонченного потребления. Конечно, не в наших силах превратить запасы угля и железа в тонкие кружева или вина, но мы можем вместо возобновления этих запасов заняться изготовлением тонких кружев или других предметов роскоши.

Итак, капитал можно обратить на текущее потребление. Капиталист стоит всегда перед альтернативой: полной ли ему удовлетворить потребности настоящего или расширить потребительные возможности будущего. И от результатов такого сопоставления зависит, на чем он остановит свой выбор. Если затратив на производство сто рублей, он может получить через год сто десять рублей, то может быть он и пойдет на это, но меньшая сумма прибыли возможно не будет для него достаточной и он откажется

*У нас перед глазами много примеров, как это делается. Рабочие например, вместо ремонта паровозов начинают выделывать зажигалки для папирос, а инженеры сажать картофель и капусту.

от этой производственной затраты. Все здесь зависит от того, как относительно расценивает он удовлетворение настоящих и будущих потребностей.

Таким образом, мы можем заключить, что есть известное соответствие между прибылью и тем, как в обществе расценивается удовлетворение будущих потребностей. Если почему-либо здесь ослабевает забота о будущем и усиливается страсть к наслаждениям, то те, кто раньше считал пять процентов годовых достаточной наградой за сохранение капитала, начинают за счет капитала расширять текущее потребление. Сокращается предложение капиталов, растет норма прибыли и восстанавливается нарушенное соответствие с тем, как расценивается в обществе удовлетворение будущих потребностей.

Рассматривая капитал как чисто экономическую категорию, мы должны видеть в нем средство удовлетворения будущих потребностей. А потому процент или цена, платимая за пользование капиталом, является в сущности той ценой, по которой мы покупаем удовлетворение будущих потребностей. Если за пять процентов ссужаем капитал или затрачиваем его на производство, но при двух процентах мы предпочли бы израсходовать его на текущее потребление, то это значит, что за удовлетворение потребности будущего года, расцениваемой в сто единиц, мы готовы дать 95, но 98 будет в наших глазах уже слишком высокой ценой удовлетворения этой потребности. И если государство при нормальных в стране 5%% годовых затрачивает свой капитал на 2%%, то это значит, что оно за удовлетворение будущих потребностей платит дороже, чем частные лица, оно дает такую цену, на которую не идет вольный рынок.

Конечно, государство живет дольше и смотрит дальше, чем отдельный человек; оно может поэтому сознательно принести в жертву будущему интересы современного поколения. Но для этого должны быть особые основания. Как общее же правило, я думаю, в своей хозяйственной деятельности оно должно сообразоваться с запросами и желаниями отдельных членов общества и не только в отношении текущего потребления, но и в отношении баланса между настоящим и будущим потреблением. Поэтому есть основание для того, чтобы государство в своих производственных расчетах исходило из нормального процента прибыли. Как цена отдельных товаров, так и цена, платимая за пользование капиталом, отражает в себе общественную потребность, которую и должно учитывать государство. Итак, при свободном обмене государство в указаниях рынка и цены может искать критерия рациональности своих действий, но этот критерий, конечно, не безгрешен. Не всякая цена отражает общественную рациональную потребность и не всегда некупающие себя затраты нерациональны с народнохозяйственной точки зрения.

Нельзя возражать против убыточной железной дороги, если этого требует оборона страны; ради единства России можно не жалеть денег на русскую колонизацию Туркестана или Закавказья, но незачем соединять каналом Волгу с Доном, если это не обещает окупить все расходы. В годину народного голода надо закрыть государственные кондитерские и не-кормить по льготной цене москвичей пирожными.

Это только немногие примеры необходимых ограничений выдвигаемого мною принципа. В практическом преломлении он терпит значительные видоизменения. Как в жизни никогда не было и никогда не будет ни чистого капитализма, ни чистого социализма, так и в практической политике не может быть абсолютных критериев. Она всегда идет путем компромисса и взаимных уступок. И даже такие последовательные теоретики экономического либерализма, как Альфред Маршалл или Тауссиг, во многих вопросах практической политики могут протянуть руку социалистам*.

В заключение надо обратить внимание еще на одну сторону вопроса, теперь уже из

---

*"Социализм указывает цель, имевшую обаяние для некоторых благороднейших людей. Он заслуживает уважения даже тех, для кого эта цель непривлекательна или кому она кажется совершенно недостижимой... Но темен тот путь, по которому общество должно следовать на протяжении одного или двух поколений, и все люди, как социалисты, так и не принимающие социализма, могут соединить свои усилия, чтобы направить его на стезю, почти всеми признаваемую стезей прогресса" [5, с. 477—478].

области политики, а не теории. Если государство непосредственно, без рыночной проверки станет заключать об общественной целесообразности того или иного мероприятия, то оно забредет в такие потемки, из которых нелегко выбраться.

Чтобы увериться в этом, достаточно только поближе подойти и познакомиться с общественной подготовкой какого-нибудь широкого государственного мероприятия. Например, в самом конце войны у нас широко обсуждался план послевоенного железнодорожного строительства. И каких только мнений здесь не приходилось слышать. Один, например, доказывал необходимость сооружения особой сверхскоростной магистрали исключительно для питания Петрограда и Москвы донецким углем, другой настаивал на облегчении доступа к Ледовитому океану сибирского хлеба, а обитатель какого-нибудь Царевококшайска видел в соединении его резиденции с общей железнодорожной сетью первоочередную государственную задачу.

И как в этом пестром хаосе мнений составить правильное представление, в особенности ввиду того, что истина здесь часто сознательно фальсифицируется! Среди бескорыстных фантазеров, носящихся со всевозможными проектами, не мало таких, кто хорошо знает, что им надо, кто думает о своей личной выгоде, но для успеха своего дела стремиться придать ему общенародное значение. И вот, чтобы обезопасить себя от притязаний этих шакалов, целесообразно не сходить с почвы трезвого коммерческого расчета. Всем этим жаждущим прямых или косвенных субсидий власть должна твердить одно: докажите, что ваше начинание коммерчески для казны выгодно и тогда мы готовы иметь с вами дело.

Если, независимо от объективных данных рынка и цены, решение таких вопросов будет представлено на усмотрение чиновников, то это даст повод к сознательным с их стороны злоупотреблениям. Государственное вмешательство всегда плодило чиновничьи злоупотребления и взятки. Ведь не случайно же война и революция сопровождались небывалым расцветом взятки. Допустим, прав тот, кто сказал, что взятка: "это мозг костей, кровь наших русских жил; ее ведь на груди мы матери сосали".

ЛИТЕРАТУРА

1. Шапошников Н.Н. Земельный переворот и благо народа // Рус. мысль. 1918. № 1.
2. Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920.
3. Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. IV. М., 1910.
4. The World's Monetary Problems. N.Y. 1921.
5. Taussig F.A. Principles of Economics. V. II. N.Y. 1916.